

Прививка контркультурой

Сразу скажу честно, для меня книги писателя Игоря Молотова интересны отнюдь не своей документальной составляющей. Более того, документальная составляющая интересует меня в них вообще в последнюю очередь: будучи не только писателем, но и профессиональным журналистом, то есть человеком, максимально погруженным в текущее информационное пространство, я и так более или менее представляю себе документальную канву повествования.

Герои-то у Игоря, мягко говоря, не простые.

Вполне, что называется, «медийные персонажи», — не важно, со знаком плюс или знаком минус, тут каждый делает выбор сам для себя. И не то чтобы мне эти его герои были симпатичны или не симпатичны, «в реале». Люди «с изнанки бытия» всегда по-своему интересны и привлекательны, даже если подходить к ним с обыкновенной, обывательской меркой: понятие «отрицательного обаяния» еще никто пока что не отменял. Просто речь в текстах Молотова, если говорить по большому счету, идет о правде не столько документальной, сколько о правде, если хотите, художественной.

А это, извините, совсем другой, точнее, совсем на другом уровне, — разговор.

Как говорят в неплохо мне лично знакомых околофутбольных хулиганских кругах: «Замах — это уже удар».

А замахивается Игорь серьезно.

Что ж, тем более любопытно проследить, каков будет результат.

Но сначала определимся с жанром.

Собственно, тут все довольно просто: достаточно обратить внимание на роль личности автора в самой композиции повествования. Точнее, его лирического героя; конечно, путать «лирического героя» с реальной личностью автора текста вообще дело довольно опрометчивое и неблагоприятное. Впрочем, об этом чуть ниже.

Пока же просто констатируем: безусловно, это никакая не «документалистика». А, — да здравствует общепризнанный отец и родоначальник

жанра, бунтарь, алкоголик и байкер-outlaw Хантер С. Томпсон, — старое доброе литературное гонзо. То есть та причудливая смесь документальной правды с художественным вымыслом, где самым неожиданным образом случается так, что правда выглядит куда более «художественной», а дистиллированный «художественный вымысел» просто невыносимо документально правдив. Повествование, где даже и сам автор незаметно становится частью художественного вымысла, тщательно маскирующегося под документальный текст. А один из персонажей незаметно и к ужасу для самого себя становится из героя автором то ли художественного, то ли документального повествования. Собственно, как и ровно наоборот.

И ведь «литературное гонзо» еще со времен «Ангелов Ада» все того же Хантера С. Томпсона никак нельзя назвать для современной мировой литературы жанром хоть сколько-нибудь экзотическим.

Нет, это скорее уже давно «магистральный жанр» для той части современной западной контркультуры, — как левой, так и правой, если говорить о ее политической составляющей, — которая еще сохраняет дух «беспечных ездоков» и не растворилась в корпоративной культуре фальшивых расовых, экологических и прочих гендерных революций.

И Молотов, безусловно, далеко не первый, кто пытается привить этот англо- и/или франкоязычный дичок к стареющему, но по-прежнему величественному дереву большой русской литературы. Такие «прививки» для нее жизненно необходимы. Потому как такая прививка она же в том числе еще и модная в наши дни вакцинация. Вакцинация подлинной западной контркультурой, — где стреляют и стреляются всерьез, где льется реальная кровь, а не клюквенный сок, — русской литературе, безусловно, нужна и важна.

В том числе и потому, что может уберечь от той фантастической пошлости, которая притворяется сейчас «контркультурой» в нашей с вами стране: ребят, это что угодно, только не рок-н-ролл, даже ежели в кавер-версии.

Грешил этим, в смысле «литературным гонзо», в своей «фанатской трилогии» и автор этих строк.

И тем более неслучайно выделявший Молотова из огромного количества «проходивших через его руки» молодых авторов Эдуард Лимоннов. К Деду можно относиться по-разному, но отсутствием вкуса Эдуард Вениаминович совершенно точно не страдал.

Словом, дорогой читатель, если уж ты выбрал себе эту книгу, тебя ждет воистину занимательное путешествие. Я бы даже сказал, самый настоящий «трип»: не всегда приятный, иногда грязный, иногда повзрослому страшноватый, но всегда крайне любопытный и завлекательный.

Есть только одно обязательное предупреждение: ни в коем случае не нужно путать «лирического героя» Игоря, юного бунтарствующего левака, с очевидным генезисом из Парижа 1968 года, трогательно влюбленного в героев своих собственных книг, и серьезного, очень глубокого, но при этом холодного и рационального писателя, которым на самом деле является Игорь Молотов.

Просто не попадайтесь на этот крючок, как один известный бывший певец слов ртом, предложивший учителю Игоря Лимонову, как многие помнят, «пососать беленького»: путать автора и его лирического героя непростительно даже для думающего десятиклассника. Собственно, об этом в свое время, еще до появления и кодификации «литературного гонзо» даже в англоязычной прозе, писал в стихах замечательный русский поэт начала прошлого, XX века Саша Чёрный:

Когда поэт, описывая даму,
 Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет»,
 Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
 Что, мол, под дамою скрывается поэт.
 Я истину тебе по-дружески открою:
 Поэт — мужчина.
 Даже с бороною.

1909 год

Вот.

Такие, простите, дела.

*Дмитрий Лекух,
 писатель, журналист*

Миром правит страсть

Миром правит страсть.

Даже таким миром, как наш, — миром фейков, инстаграмов, пластиковых улыбок, мультимиллионных комиксов и бесконечного потока ненужной информации.

Именно страстные, пассионарные люди, для которых честь, совесть, справедливость и правда не просто красивые слова, а смысл жизни.

Игорь Молотов, автор этой книги, именно такой.

С таким обостренным чувством справедливости и вечной тягой к борьбе против несправедливости, должно быть, невероятно тяжело жить. Но он живет, и посвящает свою жизнь драке за правду.

Без страха и упрека, без усталости, наплевав на условности, он бросает вызов великому, беспощадному Молоху американской судебной системы, которая сожрала и почти проглотила Виктора Бута.

За несколько лет до его ареста американцы выпрыгивали из штанишек, чтобы нарисовать как можно более демонический портрет Виктора Бута.

Там были и бульварные книги, и публикации в серьезных изданиях.

И даже фильм сняли, блокбастер, — не с кем-нибудь, а с целым Николасом Кейджем в главной роли. «Оружейный барон» называется.

Фильм доходчиво объяснял американским домохозяйкам, что Бут, оружейный барон и «торговец смертью», не заслуживает снисхождения.

Ну кто будет защищать человека, чья мефистофельская деятельность обрекла на смерть многие дюжины людей из условной Руанды?

Успех к торговцам дешевой пропагандой и охотникам за Бутом пришел в 2008 году, в Бангкоке, где Виктора задержали спецслужбы, а затем власти выдали его — якобы за помощь колумбийским интернационалистам.

Бута экстрадировали в США, обвинили в пособничестве терроризму и бросили в тюрьму.

Виктор не сдался. Он продолжает отстаивать свое право на свободу и правосудие. Даже сидя в американской тюрьме больше десяти лет.

Ему постоянно прибавляют срок по смехотворным причинам. Сделал настойку из чайного гриба? Получай еще 40 дней за изготовление алкоголя. Видимо, чайный гриб и модная среди голливудских манекенов комбуча смущают американских же тюремщиков. Это же не блевотный их «Бад Лайт».

Поэтому и Игорь Молотов не сдается.

Эта книга — о человеке-мифе, вокруг которого искусные мастера-манипуляторы выстроили пирамиду фальши.

Это книга о страсти. О страсти к правде и справедливости.

Пусть эта страсть горит вечно.

*Ирина Галушко,
журналист, писатель*

ПРЕДИСЛОВИЕ **Дмитрий Стешин**

История Виктора Бута еще не закончилась

Эта книга — первая попытка собрать из отдельных штрихов портрет человека «длинной воли» — Виктора Бута. Нашего соотечественника и современника, судьба которого еще не завершилась, а чаша страданий пока не выпита до дна. И каждый год, прожитый Виктором Бутом в тюрьме на чужбине, рождает все больше вопросов.

Откуда взялся этот компонент, превративший рядового «пасынка Империи» в сверхчеловека? Как, сидя в американских тюрьмах, известных своей стерильностью и непроницаемостью, Виктор Бут смог собрать вокруг себя целое сообщество людей, ему сопереживающих, пытающихся облегчить его судьбу хотя бы молитвами и добрым словом? В какой момент бывший советский летчик стал невольным обличителем западной морали? Почему страна, породившая целый культ супергероев с фантастическими способностями, не смогла ни оценить упорство Виктора Бута, ни сломать его? Где находится предел терпения человека?

Игорь Молотов попытался ответить на эти вопросы, выведя из этой истории целый цивилизационный конфликт — нас, нашего мира и мира Чужих. История Виктора Бута еще не закончилась, хотя он уже сам стал частью этой Истории, самого его противоречивого и пока загадочного периода — слома советской эпохи, где незыблемое и монументальное было сделано из полусгнившей ваты, а отдельные щепки оказались из камня.

*Дмитрий Стешин,
военкор, писатель*

От автора

Виктор Бут близок и понятен мне хотя бы потому, что я хорошо знаю Среднюю Азию. Зимой чудовищный мороз, летом жуткие степные бураны, бедность и оторванность от большой земли. Именно там ковался характер знаменитого предпринимателя, ставшего одной из икон современной России. Виктора Бута часто называют «торговцем смертью» и «оружейным бароном». Для его поимки был использован весь арсенал спецслужб Соединенных Штатов Америки — агенты ЦРУ, осведомители и даже... Голливуд.

Все началось в 1990-е, когда молодой предприниматель организовал компанию, занимавшуюся грузоперевозками: несколько подержанных советских самолетов доставляли в Россию дефицитные товары. Уже через несколько лет Виктор расширил не только авиапарк, но и географию — перенес столицу своей империи на Черный континент, опутав Африку воздушными коридорами. Вскоре Виктор Бут стал основным игроком этого рынка, его нанимали диктаторы и вожди африканских племен. Они хотели не только возить страусов, но и получать инструкторов для своих солдат. Бут ответил: «Окей».

Тогда он превратился во врага номер один для спецслужб Франции и США. Они не стерпели конкуренции, тем более от какого-то русско-го, но все попытки завербовать Бута заканчивались ничем — он предпочитал дружить с полковником Муаммаром Каддафи и конголезским президентом Бембой Гомбо. К этому моменту авиапарк бизнесмена составлял уже порядка сорока единиц техники. И это не просто бизнес: помимо того, что Виктор помогал наладить жизнь в африканских республиках, он предлагал масштабные проекты по проведению телекоммуникаций и сохранению конголезских заповедников.

Уже к концу 1990-х кольцо начинает сжиматься: сначала Виктора вынудили покинуть Африку, а потом ввели против него персональные санкции ООН и уничтожили его бизнес. Оказавшись в России, Виктор Бут пытался начинать разные авантюрные проекты (например, задумывает делать сыр — задолго до импортозамещения). Казалось, он сошел

с дистанции, но не для ЦРУ: в США начинается подготовка к аресту российского предпринимателя. Под это дело усилиями Голливуда был создан кинофильм «Оружейный барон» — лента о русском бизнесмене, вставшем на путь поставок оружия диктаторам и террористам, прототипом которого стал Виктор.

Сразу после этого появились сообщения, что Бут мог продать ракеты «Аль-Каиде», а основным аргументом «вашингтонских снайперов» стали контакты российского предпринимателя с Каддафи. В рамках спецоперации по поимке Бута американская разведка подкупила бывшего компаньона Виктора, который смог выманить Бута в Таиланд, где ему устраивают безобразную провокацию, в результате чего Виктор предстает перед тайским судом, который... тут же оправдал его. Однако радость победы длилась доли секунды — на его запястьях снова защелкнули наручники. В этот раз их уже не снимут. Вскоре самолет с Виктором Бутом сел в аэропорту Нью-Йорка.

Сегодня Виктор — живой трофеей американского империализма, символ попраания не только международного права, но и попытки наладить отношения США и постсоветской России. История Бута — это история человека, который во время всеобщего неверия сделал себя сам, это очень диккенсовская история. Вместе с тем судьба Виктора находится в неразрывной связи со всеми героями-интернационалистами, томящихся в международных тюрьмах Запада, — Ильичом Рамиресом Санчесом (Карлосом), Вайнрихом, аль-Кассаром и другими.

Кстати, адвокат и жена Карлоса, Изабель Кутан-Пейре, поинтересовалась у меня, как дела у Виктора и его супруги Аллы. Оказалось, что Изабель уже много лет поддерживает контакты с Аллой Бут. Хотя удивляться тут нечему, ведь заказчик всех этих процессов — Соединенные Штаты Америки. Так что в этом смысле и Карлос, и Бут, и Аль Кассар — «скованные одной цепью».

«Виктор Бут. В погоне за мечтой», конечно, не является исчерпывающей документальной биографией. Нет, Виктор Бут очень непросто, и мы можем только попробовать рассказать увлекательную историю его жизни и того мифа, что стал ее неотъемлемой частью.

Игорь Молотов

Глава 1

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

Говорят, все мы родом из детства. С точки зрения западного читателя, юные годы Виктора Бута были весьма специфическими, но вполне понятными и знакомыми русскому (или советскому — тут уже дело вкуса) человеку. Еще была жива Красная империя, объединявшая в себе разнообразные культуры: хмурых северных балтов, неугомонных украинцев, суровых сибиряков, горячих кавказцев, мудрых жителей Центральной Азии — кого только не собрал вокруг себя русский народ. Поделился с ними своей цивилизацией, языком, целью жизни. В одной из восточных советских республик — Таджикистане, в столице — городе Душанбе (некоторое время он назывался Сталинобад) в 1967 году родился Виктор Бут.

Его отец, уроженец Харьковской области, был автомехаником; мать — Раиса Кузьминична, родилась в Оренбуржье, работала бухгалтером в «Таджикпотребсоюзе». «Сыночка, мы тебя ждем, любим, надеемся на лучшее. Пожалуйста, я хочу тебя до-

ждаться, сыночка!» — говорит она в видеообращении, записанном в 2019 году накануне поездки жены Виктора Аллы и дочери Лизы в США. Из-за возраста — сейчас ей уже за восемьдесят — Раиса Кузьминична вынуждена была остаться в России. Сейчас она ждет сына в Подмосковье и вспоминает Душанбе 1970-х, когда семья была вместе и старший брат Сергей каждый день провожал маленького Витю в местную школу с углубленным изучением английского языка.

«Восточные базары... Зеленый базар в Душанбе, арыки, — рассказывает Виктор в мрачной глубине американской тюрьмы Марион. — Каждый частный дом с одной стороны имел проходящий мимо арык для орошения. И туда для охлаждения помещали арбузы и дыни. Всегда можно было где-то рядом купить свежую лепешку, понимаешь, за совсем небольшие деньги, за копейки буквально. Свежую лепешку ели с холодным арбузом или с дыней просто. Куча, конечно, фруктов, которые и дома росли, и виноград, хурма и прочее».

Зеленый базар — народное наименование знакового для Душанбе места. Вообще-то в течение полувека это был колхозный рынок Железнодорожного района. Торговали на нем в основном дехкане, которых потом сменили перекупщики. Когда после освобождения Виктор приедет в Таджикистан, он не сможет найти базар на прежнем месте. В 2017 году по решению властей его перенесли на окраину, а по старому адресу должен вырасти 26-этажный коммерческий и жилой комплекс «Башни Ёкута», спроектированный архитекторами ОАЭ, — страны, которую Виктор Бут неплохо знает: некогда там располагалась основная база, штаб-квартира его бизнеса.

После того как Витя окончил четвертый класс, семья переехала в поселок Ленинский — южный пригород Душанбе. Кто был, тот знает. Менее получаса езды по дороге на Курбан-Тюбе (Бохтар), и вы на месте. Совсем небольшое поселение (тогда 7,5 тысячи жителей, сейчас уже 22 тысячи) — весьма историче-

ское место. Уже в новейшие независимые времена таджикские власти переименоуют его в Сомониён, что дословно переводится как «саманиды». Речь идет о персидской династии, чья империя в IX веке раскинулась на этих землях, известных тогда как Большой Хорасан (знаменитые хорасанские ковры!). Так память о двух империях — древнеиранской и советской — схлестнулась в головах таджиков в борьбе за настоящее и будущее.

В поселке Ленинский Виктор учился уже в обычной, не языковой, школе № 1 имени А. С. Пушкина. Она и сейчас существует. В «русской» школе, как их называли всегда в национальных республиках. То есть с преподаванием предметов на русском, а не на местном, в данном случае таджикском, языке. Таких школ у соседей России, бывших соотечественников, становится все меньше. Кое-где, как в Латвии или на Украине, образование на русском даже запрещено законом. Местные жители ведут борьбу за право обучать своих детей по-русски, оспаривают неумные запреты этнократии в Европейском суде.

«Местные стремились своих детей отдавать в русские школы, — объясняет интернационалист Бут. — Хотя у нас в классе было очень много национальностей. Знаешь, и крымские татары, и узбеки, и локайцы, много было корейцев вокруг. Ну, такая интересная среда, очень интересно было в этом расти. Это все впитывалось, понималось, и, как всегда, ценилась своя культура. В то же время уважение к местной культуре, очень многому у них можно было научиться. Несмотря на социальную разницу».

В странах Центральной Азии такого разгула этнократии, как в Прибалтике, конечно, не было. Да, многие русские уехали (гражданская война в Таджикистане — не фунт изюма), воля Москвы перестала быть определяющей, но русский язык остался языком технической цивилизации. Переучить заново целую страну ой как непросто. Да и на какой язык переучивать? Английский? Нереально. К тому же Россия, хотя и отползла, ослабев, из азиатских пределов, осталась желанной для миллионов

гастарбайтеров, стремящихся сюда на заработки. Сейчас наблюдается новая волна русской экспансии — вновь открываются в Центральной Азии русские школы. Когда Бут освободится, порадуются.

В школьные годы Виктор всерьез увлекался эсперанто. В СССР в то время существовал некий культ этого искусственного языка. Не исключено, что не без поддержки или как минимум непротивления властей. Почему? Универсальный интернациональный характер эсперанто удачно ложился на мессианские глобалистские устремления Кремля. Вооруженные марксистской идеологией, разноязыкие трудящиеся всего мира должны были использовать какое-то средство общения. И желательно не связанное с геополитическим противником — англосаксами. Поэтому эсперанто.

Впрочем, пареньку Вите вряд ли была известна возможная геополитическая подоплека модного движения эсперантистов. Его увлечение объяснялось скорее живым интересом к языкам как таковым, проявившимся у него уже в раннем возрасте. А также природным любопытством, энергией, которая была направлена в самые разные области. *«Одно время очень сильно интересовался биологией. Был таким юным натуралистом, занимался и рыбками аквариумными, и другими видами. И как-то постепенно думал связать свою судьбу с медициной»*, — признался Виктор. Знакомый тип искателя, чем, видимо, и объясняется его необычная судьба.

Одноклассники и учителя отзываются о Буте с неизбывной теплотой. Отмечают лидерские качества, общий высокий уровень и, конечно, невероятную способность к языкам. Хотя и не без оговорок. Мол, к таджикскому относился с прохладцей, да и русский письменный ему давался не очень, делал ошибки, рассказала его одноклассница Татьяна Мещерякова. Хорошую учебу Бута отмечает и его классная руководительница, учитель химии Лариса Лепешкина. «Вот это был ученик!» — восклицают

в разговоре о Буте его наставники. Уже тогда они прочили ему большое будущее.

Не обошла Бута и политическая реальность советского общества. *«Много общественной работой занимался, в школе был комсоргом, — поведал он. — Потом клуб был, во Дворце культуры профсоюзов Душанбе. Часто там встречались. Мероприятия там проводили разные. Потом дискотеками занимался. То есть хватало всего. Пытались даже делать такие, знаешь, очень не примитивные театральные постановки, типа пьес».*

Сейчас, после коллапса коммунистической идеологии, легко упрекать ее в несовершенстве. А тогда это были «скрепы» в самом простом и ясном смысле этого слова, сшивавшие разнородное культурное пространство в единое целое, к выгоде всех. Ну, или почти всех.

«Это была общая среда, — поясняет Бут свою „партийность“. — *Думаю, что на улице, в парке, что в комсомоле все-таки были лучшие люди. Понимаешь, были высокие моральные ценности. Ведь сейчас мы видим, вот смотри, что происходит. Что в принципе идеология такая она или не такая, но это идеология. А это не вакуум. А когда нет никакой идеологии, то наступает такой вакуум, где все это, как бы так сказать, расцветает всякими уродливыми, понимаешь, сорняками, которые потом очень трудно полоть».*

Видимо, у Бута с детства была способность располагать к себе людей, что и пригодилось ему впоследствии в жизни. «Очень светлый мальчик», — призналась учительница немецкого языка Валентина Шек. Рассказала, как после службы в Африке он приезжал в их поселок, приходил к ней, рассказывал, как бедно там живут люди. Говорит, что никогда не замечала в нем жестокости или жадности. И поэтому не может поверить, что делал то, в чем его обвиняют, ради денег. Конечно, кто-то отнесет это к ностальгическим оценкам, но словам советских пожилых школьных учителей веры уж точно больше, чем агентам ЦРУ.

Содержание

<i>Дмитрий Лекух. Прививка контркультурой</i>	5
<i>Ирина Галушко. Миром правит страсть</i>	8
<i>Дмитрий Стешин. История Виктора Бута еще не закончилась</i>	10
От автора	11
Глава 1. Великая степь	13
Глава 2. Знакомство с Черным континентом	22
Глава 3. На крыле	32
Глава 4. В огне гражданской войны	40
Глава 5. Открытые склады соцблока	44
Глава 6. Игры патриотов	49
Глава 7. Кандагар	54
Глава 8. Триумф Бута	61
Глава 9. Мой друг Бемба	69
Глава 10. Кровавые алмазы	77
Глава 11. Борись, Муаммар	86
Глава 12. В осаде	94
Глава 13. Закат Африки	102
Глава 14. Изгнанный на север	109
Глава 15. Миф о «торговце смертью»	115
Глава 16. Бангкокский капкан	127
Глава 17. Бут едет домой?	135
Глава 18. Похищение по-американски	142
Глава 19. Замурованный	148
Глава 20. В американском ГУЛАГе	158